

ИЗ ПИСЕМ К.П.ФЛОРЕНСКОГО*

А.И.Осипова

1/II-45 г.

«...» Получил в свободную минуту во время боев в окруженном городе — фактически отдыха от многодневного марша.

«...» Кончину В.И., даже смягченную расстоянием и обстановкой, я очень переживал — ты знаешь, как я глубоко его уважал и любил и как ученого, и как человека. В переписке с ним намечалось несколько очень интересных вопросов для дальнейшей совместной работы. Теперь и Биогел для меня потерял почти все. Впрочем — ведь мирные дела сейчас так далеко — на грани фантазии.

«...» Сколько тяжелых, сколько радостных моментов пережито за эти годы! Трудно сравнить с чем-нибудь радость освободителя, которого встречает плачущее от радости население. К счастью, мне не пришлось переживать горечь первых лет — в армии я бы этого не выдержал. Первым моим боем был бой под Клетской — прорыв под Сталинградом, и я горжусь этим. Пройден большой путь. Если меня и не будет — останется свободная Родина.

«...» Читаю стихи в прозе — Тургенева. Попадают интересные книги. Ругаю себя, что плоховато языки знаю.

12/III-45 г.

«...» Я все более и более убеждаюсь, что ни одно слово, ни один поступок не проходит для человека бесследно; наказание за плохой поступок неизбежно зреет в самом человеке. Хороший поступок освещает всю жизнь.

«...» Ты знаешь старый рассказ о том, как двое смотрели из окна, и один видел перед глазами грязную лужу, а второй — прекрасное звездное небо, которое в ней отражалось. Так и в жизни — даже лужа содержит в себе небо — только посмотри внимательней.

Передай «пламенный, гвардейский, фронтовой» привет ребятам, с которыми встречаешься. Так далеки и в то же время близки интересы,

* Из писем к А.И.Осиповой 1945–1946 гг.

которыми они сейчас живут. Почему ты ничего не пишешь о своей работе? Мне все же очень хочется знать, что делается сейчас в тылу. Я сейчас на «пяточке» в 70 км от Берлоги. На границе — рука и подпись: «Вот она, проклятая Германия». Это далеко сзади. Природа напоминает нашу, но гораздо скучнее. Сейчас и снега нет, и туманы, и солнышко весеннее, но вовсе нет той весенней радости, которая так сильна у нас — нет перелома от зимы к лету, а просто легкое потепление среди общей слякоти. Даже вода как-то не журчит как следует, а скучная какая-то.

«...» Живу у подножия горы, в норке. Как барсук. Стараюсь радовать вас салютами. Очень рад, если это выходит красиво. Здесь красиво, но тяжело. Удастся ли посмотреть как это выглядит у вас?

10/IV–45 г.

«...» Ты писала о ледяных кристаллах — это интереснейшее явление. Я собирал эти кристаллы специально ранней весной и осенью и изучал процессы разделения изотопов О и Н. В первых стадиях образования кристалла эти процессы идут очень энергично и состав их сильно отличается от состава (изотопического) окружающей материнской воды. По существу, это самый мощный из известных в природе процессов разделения изотопов. И формы этих кристаллов-игл бывают исключительно красивыми, тонкими.

Здесь весна идет все быстрее. Зацвели вишни. Здесь они какие-то карликовые. Вообще и яблонь карликовых и других плодовых деревьев очень низкорослых здесь много.

12/IV–45 г.

«...» Пригодилось твое пожелание здоровья. Из шестерых я отделался легкой царапиной под глазом. Теперь точных магнитометрических измерений делать не могу — стал магнитным.

23/IV–45 г.

Пишу с большими перерывами — из-за передвижений и боев. Помнишь Ломоносова: «...и стены грозного Берлина, неистового исполина уж грома

русские трясут!»? Красивые места кругом: масса садов — в цвету сейчас, леса, цветники, озера. Чисто, аккуратно. Для души — нашей русской, широкой, места нет — разве на лодке под парусом? — а для глаз приятно. Очень удивлены, что мы не вешаем и не режем всех подряд, как то обещала их пропаганда.

«...» Писать кончаю. Все дребезжит — идет артбой.

4/VI–45 г.

«...» Вот и лето. Жарко. Все мечтаю порыбачить, но все никак не выберусь и не купался даже. Времени никак не хватает. Вообще очень трудно переключаться на новый образ жизни. Даже сознание толком не воспринимает, несмотря на то, что радость Победы, радость Мира чувствуешь всем существом.

«...» Места очень красивые. Я вышел как-то в лес — смотрю во ржи шагах в 40 от меня стоит козулька с большими ушами. Я к ней — она шагом, не торопясь, важно, от меня. Потом прошел по лесу — мимо два оленя бегут. Так до сих пор перед глазами эта картина и стоит. Цветут розы. Их здесь много. Рожь цветет уже давно. По южным стенам домов вьется виноград.

«...» Очень рад твоему Блоку, который пришел недавно. Скифы! Почти что современность.

«...» Хочется скорее к вам.

7/VII–45 г.

«...» Новой цели все еще нет и, несмотря на все счастье Победы, какая-то пустота кругом. Особенно при мысли, что такое состояние может длиться очень долго. Здесь меня не отпускают. Вернадского и Ферсмана уже нет и не знаю, сделают ли что-либо в Москве, чтобы я вернулся к любимой работе. А быть здесь в мирное время — так это бессмысленно для личной жизни.

«...» Попробуй втиснуть славянина с его широким характером в рамки Ганса-аккурата. Чорта с два!... Иногда видишь-понимаешь всю рациональность маленьких, прямо японских, садиков с дорожками и подстриженными

деревцами, но душа не терпит. Лучше сломать загородки вовсе, чем отгораживать такие клеточки с такой тщательностью.

13/IX–45 г.

[Открытка с портретом Гёте]

Вот и осень. Желтеют березы. Холодно по ночам. Шумит под окном мельница. Журчит горный ручей. Время бежит еще быстрее, еще торопливее. Бежит и кажется неподвижным. День тянется бесконечность и вдруг оказывается, что ты ничего не сделал, а он кончился.

«...» Так хочется настоящей работы. Неужели такое положение надолго?

«...» СкОВанный Прометей. Некуда девать силы. Завидую вам.

28/XII–45 г.

Получил сразу два письма от тебя — как подарок ко дню рождения. Вчера — 27/XII — исполнилось 30 лет.

«...» Немного позавидовал описанию морозца в твоём письме. У нас дождик, слякоть. Мороз держался не более недели, да и то — месяц тому назад. Сейчас за окном бушует буря, дрожат стекла, хлопают ставни. Сижу в тепле, развратился западной жизнью: сплю на перине и под периной. Даже стыдно иногда. Утешает лишь сознание, что это все далось нелегко. Вспоминаются сталинградские вьюги, ночи на чистом снегу, портянки, примерзшие к валенкам. Вспоминаются ночи в грязи и воде по пояс на плацдарме за Днестром, когда разлившаяся вода затапливала все, и под бока залезали водяные крысы, чтобы согреться «...».

Но все это была борьба со злыми стихиями, которой я никогда не боялся и в которой никогда не унывал. А что такое ураганный огонь, как не стихия, спущенная с цепи человеком? А сейчас приходится с собой бороться — и кисну. Если ты можешь что-нибудь реальное сделать, очень тебя прошу не откладывать этого и вызывать меня возможно скорее. В Академию я никогда особенно не верил, а теперь и надеяться перестал. Любезная улыбка и

обещания <...> На похвалы не скупаются, но тогда, когда они ни к чему не обязывают.

<...> Если ты считаешь, что возможности Геолкома действительно реальны и быстродейственны — не буду предпринимать ничего.

<...> Хожу на охоту и этим отдыхаю — в природе так чисто и хорошо, что растворяешься в ней целиком. Оттуда, из леса, и люди кажутся лучше, чище. Никогда даже не представлял себе такой грязи в человеческих отношениях, которая тут совершенно не прикрыта. Продается все. Чуть дороже, чуть дешевле — и только.

<...> Здесь порядочно фазанов — я их раньше знал очень мало. Забавная птица. Очень похожа по всей конструкции и психологии на курицу. Даже разговаривает так же.

<...> Так хочется домой — в Россию — там размах есть, пусть иногда глупый, ненужный, но живой <...>. Вчера хорошо провел вечер — было мало народа, но хорошие ребята. Доволен.

2/II-46 г.

Получил твое письмо от 15/I. Благодарю за заботу и пожелание счастья. Обязательно выпью здесь за твою диссертацию. Приятно чувствовать, что где-то там, далеко-далеко, у тебя есть друзья, на которых можно положиться и которые не забывают.

<...> Здесь, на чужбине, так не хватает здорового молодого смеха нашей молодежи.

<...> И Киплинга [Была послана книга Р.Киплинга «Рассказ о старой Англии». — *А.О.*] и Блока твоего я получил и очень много перечитывал их. Именно так, как Киплинг, я понял свою Родину — наполовину из сказки, из мечты. Я ведь вырос среди преданий Берендеева царства и домовых. И это так украшает жизнь!

У Блока так по-современному звучат «Скифы», что кажется он написал это в 42–43 г. Я, когда разозлюсь иногда, говорю эти стихи немцам без перевода. Если можешь — пришли мне еще книжек каких-нибудь, какие

перечитывать можно. Я без этого сильно тоскую. Музыку сейчас слушаю только по радио. Был раза 2 на концерте — очень доволен.

⟨...⟩ Читал о лауреатах Сталинских премий и вздохнул — столько интересного сделано за это время — со стольким хочется познакомиться. Знаешь ли ты в чем сущность электронов и сверхсветовой скорости? Как это совмещается с теорией относительности? Во время ферганских работ не встречалась ли ты с проявлениями U-V-оруденения? Ведь это теперь будет модным и важным вопросом.

⟨...⟩ Завидую, когда ты пишешь о хорошей зиме. Здесь морозы были с неделю. Сейчас опять ни следа снега, тепло, грязно — но не как у нас. Ни весна, ни осень, а так — дребедень. Только синички начинают уже тенькать по-весеннему.

Хожу часто на охоту. Очень понравились фазаны-самцы. Глупая, но красивая птица. Видел массу диких уток. Во время морозов они сгрудились все на незамерзающих речках, и очень красиво было смотреть на селезней на фоне снега. Мечтаю поохотиться на кабанов, но все как-то не удается. Надо съездить км за 70.

* * *

После возвращения из Германии Кирилл не восстановился в заочном институте, а полностью отдался работе. Жили они на станции Щербинка, где перед началом войны построили дом, точнее — пятистенную крестьянскую избу. Оттуда Кирилл ежедневно ездил в ГЕОХИ. У них был небольшой приусадебный участок, на котором жена Кирилла, Зинаида Сергеевна, посадила плодовые деревья, ягодные кусты и развела огород. Ботаник по образованию, она прекрасно работала со своими растениями и получала хороший урожай. Без этого их семья, в которой к концу 1948 года было уже трое детей, не могла существовать. Кирилл Павлович, не имея законченного высшего образования, получал небольшую зарплату, и только энергия его жены, необыкновенно работоспособной и жизнерадостной, спасала их от крайней нужды.

Послевоенные годы были трудными для всех, а для семей с малыми детьми — особенно. Зинаида Сергеевна держалась стойко, но скоро и ее здоровье стало сдавать (сердце), и тогда друзья их семьи стали неотступно требовать, чтобы он защищал кандидатскую диссертацию и хлопотал бы о получении квартиры в Москве. Диссертацию он защитил в 1958 году, а квартиру получил в 1960-м (через 14 лет после возвращения!).

Он пишет мне об этом 3/XI–1960 года: «Все лето прошло в беготне и нервотрепке. В конце концов получили квартиру. Надеюсь видеть тебя у себя. Оставляю тебе сборник Драверта. Все-таки встретимся!» Верный друг мой даже после 28 лет знакомства помнил о моих юношеских интересах и, даря сборник стихов П.Л.Драверта, вышедший в 1911 году, писал: «Надеюсь, что тебе будет иметь его приятно». Виделись мы редко, но периодически товарищи по учебному институту собирались, и эти встречи были веселыми и оживленными: вспоминали годы ученья, рассказывали о своих делах, о наиболее интересных результатах работ, обменивались опубликованными трудами. Однажды (на день моего рождения) Кирилл принес сразу две свои статьи памяти В.И.Вернадского, статью «Проблема космической пыли и современное состояние изучения Тунгусского метеорита» (1963), статью «О начальном этапе дифференциации вещества Земли» (1965) и — бесценный дар — лекции по истории философии П.А.Флоренского, опубликованные в 1917 году.

Запомнился разговор на другой встрече. Его начала Зинаида Сергеевна. Она пожаловалась, что Кирилл не защищает докторскую диссертацию и сказала, что Александр Павлович Виноградов, привлекая его к созданию приборов для определения состава атмосферы Венеры, сказал: «Кирилл, сработает аппарат — это будет твоя докторская диссертация». Результаты получились прекрасные, а Кирилл не хочет напомнить Виноградову об его обещании. «Друзья, повлияйте хоть вы на него», — сказала Зинаида Сергеевна. «Он говорит, что А.П. знает, что делает».

Я было повернулась к Кириллу, хотела что-то сказать, но он опередил меня: «Ты-то понимаешь, что не это мне важно?» И такие радостные были у него глаза! Я только кивнула: «Да, понимаю». Смотрела на него и вспоминала стихи Ильи Сельвинского, побывавшего на одном из пустынных островов Ледовитого океана:

*Но то. Что я. Вот тут. Стою
У меня. Не отнимет. Никто.*

* * *

В последний раз мы встретились на дне рождения одного из наших товарищей по институту, в январе 1982 года. Кирилл был весел и говорил: «Собираюсь к тебе прийти, хочу поговорить об эволюции жизни». Но больше мы не увиделись; 9 апреля 1982 года он умер.